

481.71
Б-734

На правах рукописи

БОГДАНОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ ДИСКУРСА ВЛАСТИ
И ДИСКУРСА ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
С. ДОВЛАТОВА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург
2001

Е.БЧ

Работа выполнена на кафедре русского языка Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена.

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор Н.Е. Сулименко

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор Т.Г. Аркадьева;
кандидат филологических наук О.Ю. Коробейникова;

О.Ю. Коробейникова

Ведущая организация:
Псковский государственный педагогический институт

07.02.2001

Защита состоится «26» апреля 2001 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.199.04 по присуждению ученой степени доктора наук в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (199053, г. Санкт-Петербург, В.О., 1-я линия, д. 52, ауд. 47).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке университета.

Автореферат разослан «26» марта 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Я. Дымарский

М.Я. Дымарский

491.71
Б734

Ориентация современной лингвистики на изучение языка «для более глубокого понимания и объяснения человека и того мира, в котором он обитает» (Е.С. Кубрякова.) определяет общую теоретическую направленность и содержание диссертации.

Теоретическую основу исследования составили труды классиков русской филологии В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Р.О. Якобсона, Г.О. Винокура, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева и др. лингвистов, утвердивших своими трудами смену парадигмы в российском языкознании – Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, В.Г. Костомарова, Е.А. Земской, А.Н. Барачова, Н.А. Купиной, А.К. Михальской и др., а также зарубежных языковедов А. Вежбицкой, Р. Барта, П. Серио и др.

Актуальность диссертации определяется её включённостью в круг значимых на рубеже столетий интегральных (лингвокультурных, социолингвистических, филологических) проблем, связанных с утверждением приоритета общечеловеческих ценностей, преодолением тоталитарного сознания, обращением к духовно-историческому контексту отечественной культуры.

Активно вошедший в лингвистическое употребление термин «дискурс», – маркер нового взгляда на язык в антропоцентрической парадигме лингвистической науки. Он необходим и правомерен на этапе перехода от лингвистики текста как самовластной системы к изучению текста в аспекте специфики человеческого бытия, взаимоотношений человека с миром. Характеристика дискурса в рамках исследований, рассматривающих его не как величину, адекватную тексту, а значительно шире, как текст в многообразии его коммуникативных и когнитивно-прагматических функций и в самом широком понимании, представлена определением Ю.С. Степанова, который определил дискурс как «язык в языке», за которыми встает особая грамматика <...> особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном итоге, – особый мир».

Эта дефиниция – базовая для диссертации, поскольку органично согласуется со спецификой и содержанием исследовательского материала.

В произведениях С. Довлатова ярко отражается речевое поведение и речевая культура носителей русского языка 60-80-х гг. нашего века. Одна из особенностей этого периода – влияние на развитие языка режима советского тоталитарного государства, коммунистической идеологии, результат которого – подавление духовности, индивидуальности, свободы мысли. Лингвокультурологический феномен – советский политический дискурс, «принудительный ментальный мир» (Ю.С. Степанов) получил своё воплощение на страницах произведений писателя. Автор подвергает ироническому осмыслению ценностные установки, ментальные стереотипы советской логосферы. Его литературное творчество предвосхищает процессы деидеологизации тоталитарного языка и сознания, ставшие типичными для советского постперестроечного периода. Такой (пародийный) подход писателя к материалу позволяет в исследовании методом «от противного» выявить языковые (лексический уровень) особенности советского тоталитарного дискурса (дискурс власти) и самобытность языковой личности автора.

Мир культуры, традиционных человеческих ценностей предстаёт в произведениях как дискурс «духовной личности» писателя. Его основополагающие концепты: гармония, жизнь, творчество, свобода и их лексическое наполнение свидетельствуют об обращении автора к этическо-эстетическим традициям русского речевого идеала (А.К. Михальская), основные характеристики которого: диалогичность, гармонизирующий характер, положительная онтологичность в настоящее время только возрождаются, так как были вытеснены агональностью, догматизмом, механистичностью и воспроизводимым ритуальным характером советского тоталитарного дискурса.

Научная новизна диссертации определяется не только самой постановкой проблемы различных способов мироосмысления, различных типов мышления, но и фактом обращения к произведениям нашего современника, писателя-эмигранта Сергея Довлатовича Довлатова. К

сожалению, этот талантливый человек, виртуозный мастер слова оказался при жизни ненужным, лишним в советской культуре. До недавнего времени его творчество не находило пути на родину и лишь в последнее десятилетие стало явлением отечественной литературной жизни. С. Довлатов стал популярным, известным широкому читателю.

Интерес к произведениям писателя сопровождается всё возрастающим филологическим вниманием к творчеству и личности художника. Подавляющая часть работ о нем носит литературоведческий характер. Между тем язык писателя, яркий, исключительно точный, внимательное отношение к слову, блестящее чувство стиля, а также характер художественно представляемого материала (язык советской эпохи и воплотившееся в нем специфическое мышление совокупной личности советского человека) и оригинальный, свободный от идеологической предвзятости подход к способам его экспликации в тексте обладают безусловной ценностью для лингвистического анализа. Анализ лексической составляющей дискурса власти и дискурса личности отражает лишь один из множества возможных ракурсов рассмотрения творчества писателя, столь притягательного в лингвокультурологическом отношении.

Предметом исследования выступает лексическая структура произведений С. Довлатова как способ презентации дискурса в двух разновидностях аспектуализации – дискурса власти и дискурса личности.

Целью диссертации является рассмотрение и описание дискурса власти и дискурса личности по данным лексической структуры текстов С. Довлатова с учетом когнитивно-прагматической интерпретации лексических единиц в построении дискурса.

Осуществление этой цели предполагает решение следующих задач:

- проанализировать трактовку термина «дискурс» в современных лингвистических работах, выбрать и обосновать базовые в плане поставленной цели дефиниции;
- определить понятия дискурса власти и дискурса личности, их признаки и пути лингвистического описания, для чего необходимо рассмотреть такие его теоретические предпосылки, как лингвокультурологические характеристики советского тоталитарного дискурса, лежащего в основе дискурса власти; этико-эстетические характеристики «духовной личности» писателя – важнейшие составляющие дискурса личности;
- на основе анализа лексической экспликации дискурса власти и дискурса личности определить место тоталитарного языка в текстовой структуре произведений С. Довлатова и способы демифологизации сознания адресата, а также показать внутреннюю ориентацию писателя на систему общечеловеческих ценностей, на традиции русского риторического идеала.

Методика исследования определяется использованием как ведущих методов контекстуального, семного анализа и концептуального, в связи с выходом на когнитивную проблематику. Предметом анализа последнего являются слова как выразители концептов – особых «ментальных образований» (Ю.С. Степанов). Отличие его от семантического анализа состоит в том, что «семантический анализ связан с разъяснением слова, концептуальный анализ – идёт к знаниям о мире» (Е.С. Кубрякова.).

Теоретическая значимость исследования связана с построением познавательной модели гуманитарного знания (знания о человеке и для человека) с опорой на лексическую экспликацию в художественном тексте разных стилей мышления, моделей сознания, типов дискурса (дискурса власти и дискурса личности), с изучением состояния сознания и перспектив его изменения у носителей языка на определённом этапе культурно-исторического бытия. Теоретически значимым предстает лингвокультурологический и когнитивно-прагматический подход к изучению структуры художественного текста и его лексических маркеров.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью использования результатов исследования и конкретных материалов при подготовке и проведении вузовских

курсов лексикологии современного русского языка, стилистики, риторики и лингвистического анализа текста, в разработке спецкурсов и спецсеминаров.

На защиту выносятся следующие положения:

- лингвистические и экстралингвистические особенности дискурса власти преломляются тоталитарным языком – советским «новоязом», логосферой и особенностями ее речевого идеала, характеризующими данный дискурс как лингвокультурный феномен, плодотворное изучение которого может осуществляться лишь с учетом когнитивно-прагматического подхода к анализу лексической структуры текста;

- анализ дискурса личности, понимаемого как вербализованный мир духовной культуры общества и традиционных человеческих ценностей в их индивидуально-авторском преломлении выводит исследование на такую эстетическую категорию, как «образ автора», на его иднотиль, концептосферу, эксплицируемую в лексике дискурса;

- главные аспекты актуализации «лексикона» дискурса власти и дискурса личности в произведениях С. Довлатова направлены на деидеологизацию и демифологизацию тоталитарного сознания, на построение концептосферы духовной личности писателя в свете глобальной эстетической оппозиции гармония-хаос, выявляемой в системе ассоциативных полей, входящих в нее концептов.

Материалом исследования являются текстовые фрагменты прозы С.Д. Довлатова, извлеченные в соответствии с целями работы методом сплошной выборки. Источником выборки послужили издания: Сергей Довлатов. Собрание прозы в трех томах. СПб., 1993 (2-е изд. 1995); Малонизвестный Довлатов. СПб., 1995.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

Апробация работы представлена в виде докладов на заседаниях проблемной группы «Слово как единица лексической системы языка» РГПУ им. А.И. Герцена (руководитель – профессор В.В. Степанов) в 1999, 2000 гг., на Герценовских чтениях (РГПУ) в 1999 г. По теме диссертации подготовлено и сдано в печать ряд работ.

Содержание работы

Во введении обосновываются актуальность и новизна темы исследования, формулируются цели, задачи и методы работы.

В первой главе рассматриваются теоретические основы исследования лексической структуры произведений С. Довлатова как способа презентации дискурса в двух разновидностях аспектуализации – дискурса власти и дискурса личности.

Теоретической базой диссертации является понятие дискурса, рассматриваемое в рамках складывающейся в отечественном языкознании традиции (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, Е.С. Кубрякова, В.В. Демьянков, Ю.С. Степанов), аккумулирующей воззрение на дискурс известного зарубежного лингвиста Т.А. ван Дейка и его предшественников и трактующей данный лингвистический феномен не как величину, адекватную тексту, а значительно шире, как текст в многообразии его коммуникативных и когнитивно-прагматических функций. Исследование современных лингвистических работ этого направления свидетельствует о разносторонней аспектуализации дискурса, например, со стороны когнитивных структур говорящего субъекта (ср. эмотивный дискурс у Т.А. Трипольской (Трипольская 1999), оценочный дискурс (Миронова 1997), логический дискурс (Флоря, 1995); сфер его деятельности (философский дискурс в работах Е.В. Сергеевой), экономический дискурс в работах К.В. Томашевской, искусствоведческий (Булатова, 1999), политический дискурс (П. Серно, 1985; А.Н. Баранов, 1995; Шейгал, 2000; Воробьева, 2000), возрастных, половых и других особенностей социального и индивидуального использования языка (женский дискурс (Фатеева, 1998), детский дискурс и т.п.).

Отправным моментом для исследования являются лингвокультурные характеристики советского тоталитарного дискурса – «особого ментального мира», «принудительного

ментального мира» (Ю.С. Степанов), получившего свое воплощение на страницах произведений С. Довлатова. Его характеристикам посвящен отдельный раздел главы.

Язык во многом определяет дискурс, но возможна и обратная связь – отдельные черты языка изменяются в зависимости от условий и целей его употребления. В тоталитарном обществе изменения эти являются значительными, и им присваивается особый статус, то есть фактически говорится об особом языке, в качестве активного пользователя которого выступают реальные властные структуры, пытающиеся с помощью отмеченных языковых механизмов воздействовать на общественное и индивидуальное сознание.

Его называют по-разному: «языком лжи», «дубовым языком», канцеляритом (слово К. Чуковского), но самым привычным названием этого «лингвополитического монстра» (М. Кронгауз) становится в лингвистике термин Дж. Оруэла «новояз» (в оригинале «newspeak»). Заметим, что кроме русского соответствия термина существует болгарское «новогор», польское «nowomowa» (M. Glowinski).

Таким образом, допустимо выделение как инварианта, так и национальных вариантов функционирования тоталитарного языка. Показательна в этом отношении знаменитая книга немецкого филолога Виктора Клемперера «ЛТН» («Язык 3-го Рейха»). Возвращаясь к названиям, отметим еще ряд терминов, подчеркивающих тот или иной аспект рассматриваемого явления: а) сферу коммуникации – «язык политического дискурса» (А.Н. Баранов 1991), «советский политический дискурс» (П. Серно 1985); б) характер коммуникации – «язык пропаганды», «официальный язык», «ритуальный язык», «казенный язык»; в) культурно-временную специфику плюс отрицательную оценку – «язык Совдепии» (В.М. Мокшенок, Т.Г. Никитина 1998) (ср. нейтральный «язык советской эпохи»); г) характеристику определенной идеологии как элемента общественного сознания – «тоталитарный язык» (Н.А. Купина 1995; А. Вежбицкая 1993). Язык предстает как форма отражения идеологии, «идейного мифотворчества» (Н.И. Клушина 1998).

Обзор лингвистической литературы по проблеме дискурса, «языка в языке» свидетельствует о том, что советский тоталитарный дискурс выходит за рамки обычного политического институционального дискурса.

Базовыми для диссертации являются работы, отражающие когнитивный подход к исследованию материала: моделирование когнитивной базы тоталитарного дискурса, осуществляемое через анализ фреймов и концептов, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе тоталитарного сознания (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов; Э. Лассан; Н.А. Купина; Н.Е. Сулименко, М.А. Кронгауз, Р.М. Фрумкина; Г. А. Золотова, Т.М. Николаева и др.).

Исследование многих аспектов работы осуществлено с опорой на лингвистические труды В.Г. Костомарова, Е.А. Земской, В.В. Колесова, В.Н. Телия, А.К. Михальской, доминантой которых является лингвокультурный подход к явлению, ибо когнитивистика предполагает внимание и к культурному знанию. В них сфокусированы и развиты те плодотворные идеи, которые были высказаны в отечественной науке еще М.М. Покровским, А.А. Потебней, а затем В.В. Виноградовым, Д.С. Лихачевым, Ю.М. Лотманом, ориентирующие на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и менталитета.

Такой интегральный подход позволяет использовать в диссертации наблюдения и материалы, раскрывающие историко-философский, этический, социо-политологический, литературоведческий аспекты проблемы (Н.А. Бердяев, К.С. Гаджиев, А.А. Гусейнов, Лоренц, Райх, М. Рыклин, Ципко, и др.), которые во многом дополнили представление о характере логосферы (речемыслительной области) тоталитарного общества (см. Р. Барт; А.К. Михальская), и соответственно концептосферы (см. Д.С. Лихачев).

В исследовании формулируются основные характеристики, демонстрирующие взаимообусловленность и взаимовлияние языка и тоталитарного сознания. Ср., например, одну из «цепочек», демонстрирующую сложные отношения между властью, познанием, речью и поведением:

Идеологизированная заданность мышления - главная черта советской логосферы - проявляется в сложном отношении между означающим (языком) и означаемым (реальной действительностью), осмысляемой носителями языка. Люди должны приспосабливаться к «иррационализму языка» (К.С. Гаджиев), проявляющемуся в «амбивалентности» или «фундаментальной двусмысленности» (П. Серно) дискурса. Это порождает своеобразный двойной стандарт в поведении тоталитарного человека, появляется так называемый «феномен двоемыслия».

Важным в анализе дискурса является выделение стратегий - системы правил восприятия и порождения дискурса как особой структуры знаний. Главные из стратегий связаны с особенностями концептуализации знаний. Функция идеологических предписаний - главная в тоталитарном дискурсе. Ментальным фундаментом общественного тоталитарного мышления выступает система идеологем (языковых значений, несущих идеологическую информацию) (Нойберт 1979; Кашаева 1987; Купина 1998), отражающая философские, политические, правовые, эстетические, нравственные взгляды партии, государства, народа в свете марксистско - ленинской идеологии. Идеологемы - основа тоталитарной концептосферы. Они структурируются культурно-идеологическими доминантами (З.К. Тарланов) противостояния, безальтернативности выбора. Тоталитарный язык располагает инвентарем средств, обслуживающих идеологию. Идеологический словарь включает единицы разной степени идеологизированности: слова \ словосочетания-идеологемы, семантика которых покрывает собственно идеологические денотаты *коммунизм, буржуазия, социалистический выбор*, к ним примыкают предедентные тексты, воспроизводимые в общественном сознании как готовые речевые единицы: *Наша цель - коммунизм; от каждого по способностям, каждому - по потребностям* и подобные. Поскольку в тоталитарном языке семантические сферы философского, художественного, этического, религиозного политизировались, идеологсмами становились языковые единицы «с искусственно накладываемой на лексическую семантику «идеологической добавкой». Например:

Адюльтер. В буржуазном обществе - любовная связь вне своей семьи, супружеская неверность (Толковый словарь русского языка. Т. 1, 18)» (А.Н. Купина).

Такое понимание согласуется с точкой зрения Г.Н. Складневской, по мнению которой, в общественно-политическом слове может присутствовать так называемый «идеологический прагматический компонент», представляющий такую часть семантики словесного знака, которая основана «не на всеобщих и вечных представлениях, а на искаженных - смешанных, на знаниях и истинах, навязанных, внушенных и пропагандируемых в конкретном социуме».

Тоталитарный язык внедряет идеологические добавки для реализации свойственной ему функции предписания. Следовательно, они являются арсеналом средств демагогической по своей природе тоталитарной риторики.

В основе формирования стратегий тоталитарного дискурса лежат принципы риторического идеала, являющиеся приоритетными в данном обществе.

Французский структуралист Ролан Барт в работе "Война языков" выделяет три типа дискурсивного речевого оружия. Их характеристика во многом сходна с положениями тоталитарного речевого идеала.

Первый тип речевого оружия, по Барту, - речь - демонстрация борьбы (агональная демонстрация).

Второй тип - превращение речи в оружие власти - стратегия "вычеркивания", исключения более "слабого" участника речевой ситуации (или целого слоя индивидов социума) из "диалога сильных". Это стратегия лишения слова или стратегия превращения личности или социальной группы в пассивный объект манипулирования со стороны субъекта речи и власти. Это стратегия "превращения диалога в монолог" (А.К. Михальская).

Для третьего типа речевого оружия, согласно Барту, характерна утвердительная структура фразы, т.е. категоричность высказывания. Категоричность же есть покушение на истину. Истина, как и собеседник (партнер по речевой ситуации) предстает в речи как объект

(в данном случае объект захвата, обладания). Итак, третий тип речевого оружия связан с присвоением истины в речи.

Итак, стратегии тоталитарного дискурса на языковом, концептуальном и риторическом уровне совпадают:

противостояние – агональная демонстрация

безальтернативность – присвоение истины в речи.

Стратегия превращения диалога в монолог связана с когнитивными аспектами ритуализации. В работах А.Н. Баранова выделяется в качестве универсальной метастратегии тоталитарного (ритуального) дискурса представление о "супер-эго" – сверхсубъекте, тотеме социалистического общества, определяющем мышление каждого отдельного социума и руководящем его поступками.

Употребление термина дискурс власти ориентировано на образную структуру художественного пространства в творчестве писателя, а также обосновано тем, что выводит исследование на более широкую проблематику, чем политическая сфера, интегрируя в себе характеристики таких часто употребляемых терминов, как тоталитарный дискурс, идеологический дискурс, дискурс государства.

Сама семантика наименования ВЛАСТЬ характеризует дискурс с точки зрения его основного пользователя (властных структур). Нужно отметить, что ВЛАСТЬ в концептуальном отношении рассматривается многими современными исследователями как "универсальная культурная константа", "узел", или, по выражению Вежицкой, "ментальный атом человечества", наряду с такими концептами, как человек, жизнь, любовь (А. Вежицкая, М.М. Маковский, Яковлева, 1994). Набор и реальное заполнение таких концептуальных узлов индивидуально для каждой культуры. Концепт ВЛАСТЬ в определенном культурном ментальном пространстве имеет целый набор особенностей. Обратившись к материалам словаря Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» (Степанов 1997), заметим (вместе с автором), «что пока еще научные представления о власти не предмет данного словаря, поскольку существующие концепты, как известно, еще не устоялись в российском обществе». Но здесь находят место «живучие представления о тайной власти», которая ассоциируется в современном российском обществе с «некими невидимыми структурами реальной власти», «личной подчиненностью» правительству-диктатору, особым характером "таинственности", основанной на "страхе говорить", свойственном подчиненным.

Итак, содержательный минимум концепта «власть» в русской лингвокультуре составляют компоненты «тайна», «сила», «неделимость», «неограниченность».

Данные характеристики согласуются с особенностями советского тоталитарного дискурса.

Этико-эстетическая основа дискурса личности в прозе С. Довлатова представлена выделением ряда важнейших особенностей дискурса личности, характеристикой языковых знаний и стратегий, составляющих его основу. Личность рассматривается как константное понятие (Виноградов 1994; Степанов 1997; Колесов 1999; Арутюнова, 1999), выявляется содержательный минимум концепта – компоненты: «индивидуальность», «свобода», «духовность», «жизнотворчество». Таким образом, уже на уровне составляющих концепта личность мы можем говорить о противопоставленности характеристик дискурса личности, понимаемых нами как набор сущностей и их свойств, а также отношений между ними, которые действительны в данном мире, стратегиям дискурса власти.

Под дискурсом личности мы понимаем вербализованный мир духовной культуры, человеческих и духовных ценностей личности и общества, реализация которых в социально-политическом строе общества выступает как идеал.

Данный ментальный мир представлен в произведениях писателя как отражение собственного мировоззрения, следовательно, анализ дискурса личности (его лексических маркеров) неразрывно связан с таким аспектом поэтики, как образ автора.

Субъектом дискурса личности будет выступать – «духовная личность» писателя в одной из своих ипостасей: образе автора (литературная личность) в условиях имплицитного проявления дискурса личности; образе повествователя или героя в ситуации эксплицитной репрезентации (моделирования) духовных ценностей и идеалов.

На основе анализа воспоминаний современников, друзей писателя, материалов интервью делается попытка определить особенности логосферы Довлатова.

Вторая глава посвящена непосредственно рассмотрению лексической экспликации дискурса власти и дискурса личности в произведениях С. Довлатова.

Лексическая экспликация и семантические преобразования идеологием дискурса власти представлены в системе лексических единиц, план содержания которых подчинен господствующей в обществе идеологии – марксизму-ленинизму. Подобная идеологичность определяет такие свойства языковых знаков, как точность и однозначность (наличие единых для всех носителей языка толкований), а также яркую оценочность в соответствии с принятыми в обществе идеологическими установками и идеалами. Семантика подобных слов «стремится к терминологичности, выверяется по первоисточникам и отвергает отрицательные коннотации» (Н.А. Купина). Данные слова отражали ценностные идеологические концепты тоталитарной системы, поэтому их употребление строго цензурировалось и запрещалось в сниженных контекстах.

В произведениях С. Довлатова слова-идеологемы семантически преобразовываются, трансформируются. В результате опровергаются политические догмы, мифы, связанные с идеологическим концептом.

Писатель «выхватывает» слово-идеологему из традиционных жанров дискурса власти, из массива политических прецедентных текстов и включает в несвойственный для нее обиходно-бытовой контекст разговора, подает сквозь призму устной коммуникации. Причем состав участников и место общения, речевого акта часто не совсем обычны для произведений советской эпохи. Например, семантическое преобразование слова-идеологемы коммунизм проходит на фоне специфической конституции (говорящие – заключенные (зэки), их охранники; место – зона), активного использования разговорной, в том числе сниженной лексики. Ср.:

- *А сел-то я, что завидно людям с чужих миллионов. С деньгами я кругом начальник. Деньги – сила ...*

- *Вот наступит коммунизм, – злобно произнес Ероха, – и останешься ты без денег, хуже грязи. При коммунизме деньги-то отменяют ...*

- *Навряд ли, – сказал Замираев, – без денег все растащат. Так что не отменяют. А будут деньги – мне и коммунизм не страшен» («Зона»).*

Слово-идеологема коммунизм становится центром текстового фрагмента. Данный концепт в социокультурном ментальном пространстве персонажей выступает на фоне оппозиции

реальное – нереальное
(деньги – сила) (деньги отменяют).

Комизм строится на несовпадении тезауруса, прагматикона персонажа и системы мотиваций, характерных для дискурса власти. В ЯКМ заключенного коммунизм – строй, внушающий страх, недоверие. Ставится под сомнение миф о коммунизме как обществе всеобщей сознательности (все растащат). Характеристика коммунизма как идеально справедливого общества дается в абсурдистском ключе. Прагматическая ситуация, характерная для социализма: ты без денег хуже грязи – проецируется на коммунистическое общество. В выявлении этой парадоксальности чувствуется присутствие авторского мировидения (характерный для С. Довлатова прием парадокса).

Таким образом, коммунизм как ценностный концепт выводится автором из сферы высокого.

Коммунизм в ассоциативно-вербальной сети персонажей выступает как слово-реакция на слово-стимул *деньги*, подчеркивая предельную, доходящую до абсурда идеологизацию сознания даже преступного социума. И в этом проявляется излюбленная мысль С. Довлатова об относительности понятия зона (особенно, если учесть, что это часть преступного режима).

Десемантизация ключевого для дискурса власти слова-идеологемы *советский* происходит при помещении его в конситуацию инокультурной среды, на фоне логосферы демократического общества. Ср.:

Все мы очень любим давать советы. Такое уж государство нас воспитало – советское.

Мы даем советы, потому что все знаем. Мы знаем, как управлять страной. Как бороться с преступностью. Как вести международную политику. В общем, знаем, как жить. Хотя сами живем откровенно. <...>

Наконец, мы приехали. В чужую, непонятную страну. <...>

Америку мы сдержанно похваливаем. Снабжение, мол, хорошее. дубленки, растворимый кофе ...

Хотя шикуются, конечно же, отдельные недостатки.

Бензин дорожает. От чернокожих житья не стало.

А главное – демократия под угрозой. Совсем ослабла. Того и гляди – пошатнется и рухнет. Что делать? А вот что!

Цены на бензин понизить. Велфейр у пуэрториканцев отобрать. Чернокожих – по лагерям и тюрьмам!.. Что, нету лагерей? Значит, надо это дело в стахановском порядке организовать. Кубу – оккупировать немедленно! По Тегерану водородной бомбой – раз!

Иначе – демократии конец!..

Дорогие мои земляки! Советчики и реформаторы. Энтузиасты и преобразователи!

Ради Бога, успокойтесь! («Мартини одиноких»).

Происходит соединение в одной лексеме *советское* двух омонимичных значений. Об одном из них (от совет 2) говорит сочетаемость со словом *государство*. Другое, окказиональное, маркируется семантикой лексемы (давать) *советы, советчики* (от совет 1). Органичность смыслового совмещения обусловлена, вероятно, общим семантическим компонентом «воздействие», прочитываемым при пошаговом анализе в дефинициях омонимов и лексемах *государство, воспитало*. Данный прием позволил автору имплицитно представить в начале текста газетной заметки образ Советского государства как власти, воздействующей словом.

«Мы» – часть государства¹ Данная лексема эксплицирует концепт *советский народ*. «Мы» воспитаны советским государством и являемся его подобием, точным слепком с соответствующим образом мысли и поведением. Эта идея подчеркивается писателем в тексте. Она характерна для всего его творчества. (Ср. *Советская Армия, советская тюрьма, советская журналистика = советское государство*.)

В текстовом фрагменте демонстрируется, что идеологические примитивы, ввинченные в языковое сознание, не разрушаются одномоментно. Свобода слова не освободила русскую речь от тоталитарных стандартов. Изменив свои идеологические (политические) взгляды, по характеристикам речемыслительной культуры эмигранты по-прежнему остаются советскими; их психика и речь отражает такие особенности дискурса власти, как уверенность, решительность, категоричность, безапелляционность, связанную с утверждением одной истины как единственно правильной, что ведет к догматизму, отсутствию вероятностного осмысления природы вещей и событий. Категоричность есть покушение на истину. В свою очередь такая идеология становится очередной мифологемой, навязываемой сознанию инокультурной среды. Дискурс власти – демонстрация обладания истиной. Писатель

¹ Ср. Лозунг дискурса власти. «Государство – это мы.» (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Толковый словарь языка совдепии. СПб., 1998:134). (Сокр. ТСЯС 1998).

подчеркивает это в тексте, актуализируя семы: «власть» (государство, страна, политика); «всеобщность» (все); «обладание» (отобрать, оккупировать); «борьба» (водородная бомба); «враг» (чернокожие), «насилие» (лагеря, тюрьмы). Эффект категоричности усиливается за счет лозунговости, являющейся ярким примером соединения перформативности с императивностью. Это крайнее проявление характерного для дискурса власти стремления непосредственно воздействовать на мир с помощью речи. Оказиональное значение лексемы советское (государство) от советі и создаваемый за счет этого образ советской пропаганды позволяет автору гармонично актуализировать в тексте заметки такую характерную для дискурса власти черту, как расхождение слова и дела (ср. противопоставление даем советы, все знаем, знаем, как жить – живем отвратительно, хуже всех на свете.). Отражение тоталитарной модели сознания в условиях другой действительности, в логосфере демократического общества создает юмористический эффект. Представляется важным остановиться на особенностях лексемы советчики. В ее семантике так же, как и в лексеме советское, контаминируются два значения. Узуальное – советчик («Тот, кто советует, дает советы (в1зн.)» (СО,682)) и контекстуальное – советчик – советский человек. Последнее значение маркируется употреблением в одном тексте с лексемой советское (государство) и вхождением в ряд номинантов, эксплицирующих концепт советский человек: мы – земляки – советчики – энтузиасты – преобразователи.² Советчики в анализируемом текстовом фрагменте является словом-прагмемой (референтно-оценочным) (М.П. Эпштейн), то есть содержит помимо референтного оценочное значение (советский человек + ирония). Исследователями отмечается, что «прагмемами чаще становятся существительные, которые часто относятся к человеку или группе людей и представляют собой в этих случаях непосредственные ругательства и политические ярлыки» (Л. Найдич). Таким образом, оказиональная лексема советчики передает одновременно и «чужую речь» (т.е. стилистику, тональность дискурса власти) и авторскую оценку концепта советский человек, которая в отличие от политических ярлыков дискурса власти не является в пространстве данной конституации резко (грубо) –отрицательной, а, скорее, мягко-ироничной (ср. также современный разговорный номинант совок с яркой³ пейоративной семантикой). В оценках писателя нет категоричности, агональности, присущей тоталитарной модели сознания. По справедливому замечанию М. Рыклина, «тоталитарное хуление – лишь более тонкая разновидность соучастия, нежели тоталитарное прославление, это по-прежнему «деревянный язык идеологии, от которого больше всего хотелось бы ускользнуть».

Десемантизация слова-идеологемы советский и деидеологизация стоящего за ним концепта осуществляется писателем также за счет нехарактерной для данной лексемы сочетаемости. Ср., например:

Ленинград называют столицей русской провинции. Я думаю, это наименее советский город России («Записные книжки»).

В разделе представлен анализ ряда текстовых фрагментов, объединенных на основании экспликации в них идеи врага. Писателем деидеологизируются словосочетания-идеологемы: враг народа, враг революции, классовый (идейный враг). Например:

... Я жил по совести. Придет, бывало кум на разговорие...

Кум? – забеспокоился Ероха. – Опер, что ли?

Опер... Сам ты – опер. Кум, говорю... Родня... < ... > Кум у меня серьезный человек был, инвалид...

² Ср. «Мы, мест. в 1 л. мн. Ч., употребляется для обозначения граждан России» (Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Скляревской (ТССРЯ) 1998:405); «энтузиаст. Одобр. Человек, действующий с энтузиазмом (участвуя в социалистическом строительстве)». (ТСЯС 1998:677);

«преобразователь = Великий преобразователь природы. Патет. Об ученом-биологе и селекционере И.В.Мичурине» (ТСЯС1998:474).

³ Совок, разг., неодобр. 3. О советском человеке (ТССРЯ 1998: 597).

- **Партийный, что ли?** - снова вмешался Ероха.
- **Беспартийный коммунист,** - отчеканил Замираев, - **носу потерял в ежовщину...**
- **Значит, враг народа?**
- **Не враг, а лейтенант ОГПУ.** Таких, как мы, шакалов охранял. Ноги лишился. На боевом посту отморозил... Из рядов его выгнали, но пенсию дали... («Зона»).

Слова коммунист и партийный (сущ.) в ЯКМ советских людей являются синонимами-дублетами, ввиду однопартийности тоталитарной системы. Ср. «Коммунист, ... 1. Член коммунистической партии.

Партийный, ... 2. В знач. сущ. Член Коммунистической партии.» (ТСЯС, 1998:269, 419). Оксюморонное сочетание **беспартийный коммунист** расширяет толкование лексемы коммунист. В ЯКМ персонажа (заключенного) коммунист – человек, обладающий властью, служивший в государственных органах (начальник). Идеологема **враг народа**⁴ представлена писателем на фоне других слов-хронофактов сталинской эпохи, эксплицирующих идею противостояния: **ежовщина**⁵, **ОГПУ**⁶. Писателем обыгрывается недопонимание в вопросно-ответном диалоге, связанное с семантическим наполнением слов **ежовщина**, **инвалид**, **потерять**, **враг народа**. Рефлексия говорящего подчеркивает соотносительность его мировоззрения с тоталитарным. Оппозиция «свой» – «чужой», характерная для логосферы советского общества, усложняется в текстовом фрагменте за счет экспликации модели сознания уголовного мира и ее лексических показателей:

«враг народа»	-	«лейтенант ОГПУ»
«шакалы»	-	«беспартийный коммунист»
«мы»		

Данное противопоставление используется автором для иллюстрации идеи произведения «государственная власть» = «уголовная власть». Нужно отметить, что противопоставление «свой» – «чужой», характерное для дискурса власти, противоречит мировоззрению автора. Антиномиями его прозы являются понятия «норма» и «абсурд». Наверное, поэтому в оппозиции текстового фрагмента мы видим позицию автора, воплощенную в излюбленном Довлатовым приеме обыгрывания слова, помещенного на границе разных смысловых контекстов (кум – узуальное и жаргонное значение). Представленная оппозиция дискурса власти не существует в картине мира автора.

Отдельный блок раздела посвящен рассмотрению авторских приемов экспликации и преобразования многочисленных речевых клише дискурса власти. Разрушение клише может происходить двумя способами: говорящий изменяет его форму или же, сохраняя форму, изменяет контекст, т.е. ситуацию употребления. Последний наиболее распространен у писателя. Выделяются основные подтипы измененных ситуаций:

- социальная специфичность описываемой ситуации;
- помещение прецедентных клише дискурса власти в несвойственную им сниженную бытовую ситуативную среду;
- стимулом актуализации прецедентных клише дискурса власти может стать неожиданное для персонажей изменение социально-географического ситуативного пространства;

⁴ Враг народа. Активный противник социалистического строя и народа, создавшего этот строй, наносящий вред общественному делу. (БАС, т.2,785)

⁵ «Ежовщина. Времена репрессий, проводимых комиссаром внутренних дел Н.И.Ежовым (1936-1938гг.)» (ТСЯС, 1998:187).

⁶ «ОГПУ, Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров (1922-1934гг.)». (АГС, 1983).

«ОГПУ – карательный и разведывательный орган Советской власти, продолживший деятельность ВЧК». (МСЭ, т.2,537).

- специфичность ситуации, в которой употребляются идеологические клише, может осложняться особенностями психо-физиологического состояния говорящих.

Особо выделяются случаи разрушения клише, построенные на языковой игре – каламбуре семантического типа.

Одна из его разновидностей оригинальный прием обыгрывания речевого клише – обманутое ожидание.

Приведем иллюстрирующий пример:

В Тбилиси широко отмечалась знаменательная годовщина – семилетие республики. Огромный зал Дворца культуры имени Либкнехта был переполнен. <...> От армян выступала тетка, дядина сестра. Звали ее Анеля. К выступлению тетка Анеля готовилась недели две.

- Вот уже семь лет... - начала она. Зал притих.

- Вот уже семь лет... - повторила тетка. Где-то звякнул номерок. Кто-то на цыпочках пробирался между рядами.

- Вот уже семь лет... - окрепшим голосом произнесла тетка Анеля. За ее спиной лукаво шурился на портрете генералиссимус. Наступила полная тишина. И тогда в зале раздался оживленный голос моего дяди:

- Вот уже семь лет, как Анелю замуж не берут... Тетка Анеля рыдая покинула сцену. Дядю романа сутки продержали в милиции. («Наши»)

Элемент повтора начальной клишированной фразы юбилейного доклада усиливает юмористический эффект. Заметим, что маркером, сигнализирующим о неожиданной развязке, является описание портрета Сталина (лукаво шурился на портрете генералиссимус). Происходит одновременная актуализация сем «хитрость», «коварство» и «веселье», «игра». Обращает на себя внимание и тот факт, что в подтексте содержится указание на «один из важнейших сталинских приемов (риторических Е.Б.) – создание эффекта обманутого ожидания» (Е.П. Чудинов). Это подчеркивает высокую степень семантической имплицитности текста, ориентированную на общность социокультурного опыта писателя и читателей. Финальная фраза, в которой столкнулись обезличенное клише и реплика, имеющая личностное, можно даже сказать, интимное наполнение, разрушает ментальный стереотип дискурса власти – несоизмеримость своих личных дел и проблем и интересов государственных.

Итак, лексическая экспликация и семантические преобразования слов/устойчивых словосочетаний-идеологем, разрушение прецедентных клише дискурса власти ведут к деидеологизации и демифологизации тоталитарной концептосферы. Это содержательный прагматический акт, в котором фактически сосуществует два языковых знака. Перечисленные единицы словаря дискурса власти, включающего и полный набор семантических компонентов слов лексикона и стандартные условия употребления слов, присутствуют имплицитно, т.е. подразумевается. Эксплицитно же присутствует искажение: некая новая форма или же старая форма с новым содержанием. Таким образом, акт разрушения клише в произведениях С. Довлатова – это «область» одновременной актуализации исследуемых нами дискурсов власти и личности.

Лексическое представление мифологизма тоталитарного сознания в произведениях С. Довлатова. Писатель пародирует мифотворческую функцию дискурса власти. Одной из когнитивных стратегий автора в преодолении мифологического сознания является разрушение личностных мифов (ЛМ). Они представляют собой один из типов политического мифа. Особенность ЛМ в том, что идеологической интерпретации подвергаются характеристики конкретного лица, как правило, известного основной части общества. В результате личность мифологизируется, ее знаковое воплощение становится символом, канон.

ЛМ стали создаваться сразу после революции (в первую очередь о ее вождях) и функционировали на протяжении всей советской истории. Они складывались вокруг последующих лидеров власти.

Одним из способов укоренения их в сознании советских людей являлись стереотипные номинации, «закрепляющие образование психологически обусловленного социального навыка» (Клушина). Например, «вождь мирового пролетариата» (о Ленине); «гениальный вождь и учитель» (о Сталине); «верный ленинец» (о Брежневе).

Подобные стереотипные номинации близки к сакральным формулам, в которых сакральное слово сливается с определенной мифологемой. Анализируется экспликация личностных мифов, связанная с именами Ленина, Дзержинского, Сталина, Брежнева, Пушкина, Гагарина.

Разрушение ЛМ в творчестве С. Довлатова осуществляется путем изменения сферы их употребления. Этот тип разрушения подразумевает точное воспроизведение мифологемы в необычных условиях. Необычность условий может заключаться в нестандартности речевой ситуации, каких-то экстралингвистических обстоятельствах, т.е. контекста в широком смысле слова. Особенно яркими в этом отношении являются примеры из «Зоны». Одна из самых ярких историй «Зоны» – рассказ о концерте, посвященном «октябрьским праздникам», «гвоздь программы» которого – революционная пьеса «Кремлевские звезды». С одной стороны, в рамках советского ритуала спектакль является вполне традиционным, с другой...

...роли исполняют заключенные Усть-Выльского лагункта. Владимир Ильич Ленин – заключенный Гуриш. Феликс Эдмундович Дзержинский – заключенный Цуриков. («Зона»).

Нужно отметить, что имена вождей революции являются в дискурсе власти словами-идеологемами, за которыми стоит цепочка мифов. В тексте имена воспринимаются как прецедентные феномены, «компрессированные прецедентные тексты» (Купина): они хорошо известны членам социума, входят в коллективное когнитивное пространство коммуникантов, хранятся в когнитивной базе в форме когнитивной структуры, которая включает в себя дифференциальные признаки самого прецедентного имени, его атрибуты и оценки.

Мифологизированная личность в контексте произведения подменяется реальной, причем далеко не в эталонном социальном эквиваленте.

Исполнители внешне напоминают своих «героев». «Вор в законе» Гуриш, назначенный на роль Ленина, оказывается с «достоверной исторической лысиной»; зек Цуриков «по кличке Мотыль», которому доверена роль «рыцаря революции» Дзержинского, является «худым зекон». Сходство, «совмещение» зсков и вождей революции доводится автором до абсурда. Проанализируем текстовый фрагмент из сцены репетиции:

- *Итак, заходит Ленин. Начали!*
- *Гуриш ухмыльнулся и бодро произнес:*
- *Здравствуйте, Феликс Эдмундович!*
- *(Он выговорил по-ленински – «здгасьте».)*
- *Цуриков почесал шею и хмуро ответил:*
- *Здравствуйте. <...>*
- *Знаете, Феликс Эдмундович, что у меня в руках?*
- *Чемодан, Владимир Ильич.*
- *А для чего он, вы знаете?*
- *Отставить! – крикнул замполит. – Тут говорится: «Ленин с хитринкой». Где же хитринка? Не вижу...*
- *Будет, – заверил Гуриш.*
- *Он вытянул руку с футляром и нагло подмигнул Дзержинскому:*
- *Отлично, – сказал Хуриев, – продолжайте.*
- *А для чего он, вы знаете?*
- *Понятия не имею, – сказал Цуриков.*

- *Без хамства, - стоки амещался замполит, - помяче. Перед вами - сам Ленин. Вождь мирового пролетариата ...<...>*
- *Навигите подведем итоги.*
- *Хуриев вынул блокнот и продолжил:*
- *Ленин более или менее похож на человека <...> А вот Дзержинский неубедителен, явно неубедителен. Помните, Дзержинский - это совесть революции. Рыцарь без страха и упрека. А у вас получается какой-то рецидивист. («Зона»).*

Оппозиция достоверное / вымышленное, характерная для мифологизации, усложняется в произведении, благодаря присему подмены (двойника) и в результате еще одной оппозиции вымысел / реальность. Текст становится многоплановым. Это отражают лексические средства.

Ленин, Дзержинский представлены как: мифологизированная личность. (эксплицируется с помощью стереотипных номинаций: «вождь мирового пролетариата», метафорических стереотипных номинаций: «совесть революции», «рыцарь без страха и упрека»); канонизированная личность в советском искусстве (экспликатеры: «Ленин с хитринкой», «звзгасьте»); образ, созданный исполнителями заключенными (экспликатеры: «более менее похож на человека», «нагло подмигнул», «получился какой-то рецидивист»).

Приведенный анализ текстовых фрагментов говорит об особом внимании писателя к приемам и языковым средствам, репрезентирующим ЛМ. Наиболее яркие из этих приемов: изменение сферы употребления; прием подмены (двойника); использование ситуации «театральных подмостков»; совмещение культурного и политического мифов.

Основные средства лексической экспликации: прецедентные имена; стереотипные номинации; текстовые лексические парадигмы со сквозной семой «образ», «внешность», отражающие оппозицию реальность/вымысел.

Состав и лексическая структура традиционных жанров тоталитарной культуры в прозе С. Довлатова. Из многообразия речевых жанров дискурса власти, художественно отраженных в произведениях писателя (лозунг, допрос, передовица (средовая статья), проработка, товарищеский суд, стенгазета, «молния», характеристика и др.) проанализированы два, наиболее ярко представленных. Пародийная обработка речевых жанров характеристики и проработки актуализирует проблему: внутренний, индивидуальный мир человека - власть государства. Анализ лексической составляющей приведенных текстовых фрагментов демонстрирует основные лингвокультурные черты жанра проработки: противостояние, проявляемое через единение и сплоченность «коллектива» вокруг «истязаний» одного - «жертвы». Ритуальное пространство рассматриваемого жанра подчеркивается «театральностью», масочностью, сценарностью происходящего. Анализ лексических особенностей жанра советской характеристики, связан с текстовой экспликацией концепта моральный облик строителя коммунизма. Текстовые фрагменты пародийной направленности основаны у Довлатова на экспликации структуры жанра и его канонизации.

Лексическое представление концептосферы духовной личности С. Довлатова анализируется на основе экспликации культурных концептов жизнь, гармония, творчество, вокруг которых разворачивается дискурс духовной личности писателя. Каждый из этих концептов входит как элемент в ассоциативное поле других концептов, находясь с ними в отношениях включения или пересечения, образуя общее межтекстовое ассоциативное поле. Ср., например:

В этой повести нет ангелов и нет злодеев... Нет грешников и праведников нет. Ли и в жизни их не существует... Мы есть то, чем себя ощущаем. Наши свойства, достоинства и пороки извлечены на свет божий чутким прикосновением жизни. («Компромисс»).

Довлатов полагал, что писатель не вправе осуждать своих персонажей хотя бы потому, что сам ничуть не менее грешен. Задача автора воссоздать в новой эстетической реальности

«чуткое прикосновение жизни» и быть благодарным за этот непомерный дар. В основе текстового фрагмента «срединную ситуацию» маркирует лексема жизнь, являющаяся семантическим нейтрализатором полярных оценок, она усложняется семантическим сближением с темой «творчество». Это слияние лексически ярко показано в текстовом комментарии «Зоны», в своеобразном этюде о рождении писательского голоса и о психологии творчества:

У меня началось раздвоение личности. Жизнь превратилась в сюжет... Даже когда я физически страдал, мне было хорошо. Голод, боль, тоска – все становилось материалом неутомимого сознания. Фактически я уже писал. Моя литература стала дополнением к жизни. Дополнением, без которого жизнь оказывалась совершенно непотребной. Оставалось перенести все это на бумагу. Я пытался найти слова... («Зона»).

Лексема жизнь выступает здесь в значении: «4. Реальная действительность» (Словарь Ожгова 1994: 167). Писатель (рассказчик) создает свои вещи не из снов и фантазий, а из проживаемой реальности. Это создает определенную гармонию. Отрицательные стороны физического и духовного состояния в пространстве жизни (экспликативы: лексемы семантического поля «состояние человека» *страдал, голод, боль, тоска*) в проекции на литературное творчество расцениваются как положительные (*хорошо, материал сознания*).

Тема творчества, жизни и гармонии получает своеобразное воплощение при обращении к образу Пушкина:

Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу хищнику и жертве.

Не монархист, не заговорщик, не христианин – он был только поэтом, гением и сочувствовал движению жизни в целом. («Заповедник»).

Концептуализация поэтического сознания созвучна осмыслению феномена жизни (отсюда текстовое сближение олимпийского равнодушия и последней высшей объективности жизни). Довлатова покоряла способность Пушкина подняться над антагонизмом добра и зла (экспликативы: луна, конверсивные существительные хищник и жертва). Нужно отметить, что луна, которая светит и хищнику, и его жертве – один из любимых довлатовских образов.

Анализ лексических маркеров АСП концепта гармония, осуществленный в данном разделе диссертации, демонстрирует важные для дискурса личности эстетические категории «середины, центра», преломленные в психологических состояниях «покоя», «равновесия», этических характеристиках «мира», «беззлобия», «любви», «снисходительности», «милосердия». Второе направление ассоциирования: гармония – органический хаос демонстрирует важность на этико-эстетическом уровне дискурса личности понятия абсурда, как элемента развития, нарушающего привычные устои, закономерности, несущего эстетическую радость непредсказуемого.

Отмечена активность концептуального представления базовой для всего творчества писателя оппозиции гармония – хаос на стыке ментальных пространств (тоталитарного и логосферы духовной личности), но она не ограничивается этим, выходя на глобальные вечные общечеловеческие проблемы. Особенно ярко это представлено в моменты авторефлексии при осмыслении этических концептов. Состояние раздвоенности и, как следствие, стремление к гармонии, проявляется во внимании писателя к концептам, аксиологически сложным и неоднозначным в русской культуре, а также подвергшимся идеологическому искажению.

В свете вышесказанного рассмотрена лексическая экспликация концептов свобода, справедливость, совесть, представленных в дискурсе личности через гармонирующие понятия компромисса, милосердия, снисходительности, беззлобия, отрицающие (практически во всех проявлениях) агональные идеи насилия, суда, экстремизма.

Представление об иерархии нравственных ценностей ярко отражается в следующем отрывке:

- *Что может быть важнее справедливости?*
- *Важнее справедливости? Хотя бы – милость к падшим.* («Соло на ундервуде»).

Вопрос об аксиологии справедливости в русской языковой картине мира, о ее месте среди других нравственных ценностей очень сложен. (См. Левонтина, Шмелев 1999). С одной стороны, она может входить в ряд основных нравственных ценностей, с другой, восприниматься как ценность низшего уровня. Для С. Довлатова характерен подход, при котором «желание справедливости воспринимается если и не как зло, то по крайней мере, как нечто, несовместимое с подлинным добром» (Левонтина, Шмелев 1999: 290). Думается, что для писателя был неприемлем демагогический потенциал слова, лежащая в основе концепта идея «воздать каждому по заслугам».

В заключении подведены общие итоги исследования.

Рассмотрение и описание дискурса власти и дискурса личности по данным лексической структуры текстов С. Довлатова с учетом когнитивно-прагматической интерпретации лексических единиц позволяет сделать следующие выводы:

Пропущенный сквозь призму авторского мировоззрения тоталитарный язык (дискурс власти) выступает в произведениях С. Довлатова пародийно, но от этого лишь ярче проявляются его системные языковые особенности, поскольку, говоря словами Бахтина, пародия «... обладает способностью воссоздавать пародируемый язык как существенное целое, обладающее своей внутренней логикой и раскрывающее неразрывно связанный с пародируемым языком особый мир». Дискурс власти сосуществует, взаимодействует с миром традиционных культурных ценностей, логосферой духовной личности автора (дискурс личности). Экспликация данных ментальных миров почти всегда у Довлатова затрагивает моменты сбалансированной динамики порождения и смены смыслов (приемы комического, языковая игра, ситуация театральных подмошников, сюжет внутри сюжета, двойничество и др.).

Особенности лексической структуры произведений писателя (отбор лексики при экспликации АСП концептов, способы семантического преобразования идеологем, текстовая лексическая сочетаемость и парадигматика, деформации преседентных текстов, семантические основы метафоризации) отражают взгляд на мир конкретного живого человека, наделенного недостатками и достоинствами, имеющего смелость открыто предпочесть традиционные ценности идеологическим.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Лексическое представление мифологизма тоталитарного сознания в произведениях С. Довлатова // Пушкинские чтения – 2000: Материалы межвузовской научной конференции (СПб, 6 июня 2000 г.) СПб., 2000. С. 71-77.

2. Семантические преобразования ключевых идеологем тоталитарного языка в прозе С. Довлатова // Пятые короленьковские чтения: Материалы региональной научной конференции. Глазов, 2000. С. 106-107.

Подписано в печать 23.03.2001 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84^{1/4}. Объем 1,125 л. л. Тираж 100 экз. Зак. 138.
Тип. ЛПТИ, С.-Петербург, ул. Старорусская, 1.